

НА СУРОВЫХ ПЕРЕКАТАХ ВРЕМЕНИ...

ОДА ХУДОЖНИКУ ЖИВОТОВУ

Впервые я почувствовал Геннадия Животова как художника, когда бывал на выставке его афганских работ. Тогда возник импульс от сердца к сердцу. На выставке были представлены его вещи, посвящённые афганской войне. Это было в пору, когда война ещё не закончилась. То было время поучительное и горькое. Время, когда художники-баталисты, коих собрал Студия Грекова, боялись или брезговали, не желая ехать на эту войну. Они предпочитали отправляться в Италию, рисовать римские дворики или венецианские гондолы... Животов, вопреки тотальному бойкоту афганской войны, выставил десяток грозных, батальных военных картин. Он продемонстрировал единство искусства с армией, с народом и русской историей. Единство с реальностью, от которой бежала вся прочая культура. Он, один из немногих творцов, встал в этот окисленный, закопченный желоб, по которому летела, катилась грозная история XX века.

Гений Животова расцвёл, раскрылся после 1991 года. Тогда в одночасье рухнула страна, побежали в панике офицеры, генералы, разведчики и красные директора. Дивизии и огромные политические и экономические институты распались. Рухнуло государство, уступив место загадочной и странной политической плёнке, слизи, которой суждено было царствовать некоторое время в России... И против этой беспочвенной и липкой плёнки никто не поднялся. Армии, заводы и партия молчали. Страна, в которой жили грандиозные научные, военные и гуманитарные школы, где существовал арсенал представлений о мире, о будущем, — эта страна замолкла. Было лишь два востания. Восстали тексты и образы.

Были "День" и "Завтра", куда пришёл Животов со своим пером, куда принёс свою графику и свою революцию. Интеллектуальную, творческую революцию.

Десяток лет, каждую неделю, в газете "Завтра" появляется очередной животовский рисунок. Так, по-видимому, селекционер от урожая к урожаю, от одной генерации потомства к другой, от поколения к поколению выводит новый вид, создавая небывалое растение или фантастическую птицу. Так Животов за счёт своей энергии, непрерывной работы, от номера к номеру сформировал новое уникальное искусство.

Создал уникальную эстетику — то, чего ещё не бывало в России. Он породил жанр и род творчества. Такого не было и, может быть, никогда больше не будет. Животовский опыт уникален и самобытен. Его графика есть открытие.

Так что это за жанр, что это за метод? Прежде всего это метод непрерывного фиксирования истории. По кадрам создаётся, течёт лента событий. Животов не пропускает ни одной недели. Мы имеем мощную хронику прошедших грозных исторических лет. И в недрах животовской графики не пропущено ни одно значимое событие современной истории — как русской, так и мировой. Обе чеченские войны, югославский и иракский кризисы, удары "боингов" по Манхэттену, политические убийства, восхождение и падение министров и кабинетов, трагедия народа и народный зов к забастовке, баррикады и оборона Дома Советов — всё здесь... Здесь огромная галерея страшных монстров — новых завоевателей России. Здесь трагические образы русских героев. Здесь мистерия исторического процесса. Художник ставит свой мольберт, запускает свой духовный двигатель в грозных мятущихся селевых потоках времени. Животов сделал то, чего не сделал практически никто из современных художников. Жанр его графики можно истолковать как плакат, как листовку, как лубок, как памфлет, как политический манифест, лозунг или икону. В зависимости от того, любит он или ненавидит, молится или проклинаят, вдохновляет или убивает. Животов способен ударить в лоб врагу. Может и закрыть глаза павшему герою.

В этом — его творческая судьба, идеология, ночной вопль, страх за любимых и близких, обращение к товарищам, хоровая песня, в которой он сливается с гулом народных масс, с топотом манифестаций и шествий. Это партийный билет, духовная проповедь, с которой он каждую неделю обращается к народу. Животов пишет свои вещи кровью и слезами.

Его стиль, его образность подёрнута вибрацией лёгкого безумия, что свойственно эстетике нашего времени. Его приём — гиперболы и метафора. Его разнузданность и истеричность отсылают нас к Босху и Гойе. Ужасное бытие современной России заставляет Животова живописать ад и муче-

ния, выписывать тени и образы грешников. Но иногда в этот ад врывается ангел, и в чад времени вспыхивает святое сияние. Так, во время гибели "Курска" Животов написал утонувший крейсер, плывущий в лазорево-жемчужных райских облаках.

Животов работает с опасными, неосвоенными энергиями бытия. В этом взбалашенном, незафиксированном, гремучем растворе черпает свои силы, даёт неназванному и неопределённому имя и очертания. А чем ещё должен заниматься художник?

Животов интересен в своём диком одиночестве. Ведь необъяснимым остаётся следующее: мощнейший институт изобразительного искусства, со множеством прекрасных художников, замечательных имён и набором великих школ, осыпался вместе с государством. Где советские художники? Или они погибли, как динозавры, на которых упал метеорит? Или им зашили глаза и отрубили руки? Или на их головы свалились тонны мёртвой породы?

Сегодня за них за всех говорит один Животов. Остальные художники в лучшем случае продолжают писать золотые букеты, пасторальные пейзажи, любимые храмы и родные дачные уголки. Будто не упал на Россию страшный, сжигающий всё астероид. Будто не горят танки, не вылают парламенты, не рыдают дети, не вымерзают соотечественники. В картинах всё та же чудесная благодать, удивительные переливы небес, всё те же Левитан, Куинджи... Животов взял на себя бремя работать за всех. И он справляется с этой сложнейшей задачей. Его работы напоминают мерцающие пластины доспеха, который он стойко куёт на протяжении всей своей жизни. Его творчество — воронёная сталь.

Когда-нибудь, через много лет, когда нас всех уже не станет, археологи будут исследовать, чем же было наше с вами время. Они пробьют в почве шурфы, и сквозь цветную, пористую пензу, в которую превратятся пенные ядовитые шампунь эстрадного искусства, покажется мощный, громадный доспех, в который облекала себя сегодняшняя протестующая, не сдавшаяся русская культура. Пусть знают: доспех этот отковал художник Геннадий Животов.

Александр ПРОХАНОВ